

1

Где-то очень-очень далеко зазвучала мелодия. Зазвучала так далеко и тихо, что это была даже не сама мелодия, а только намек на ее присутствие, отсылка, аллюзия. С каждой секундой звуки становились все громче, сливаясь в до боли знакомый мотив, который уж сейчас я точно не желала слышать. Но знала, что спрятаться не получится. Никогда не получалось. Казалось, что тот, кто наигрывал ее, неутомимо приближается, и никакие горы, лесные чащи и болота на пути не помешают ему терзать и мучить меня этой мучительно унылой песней. Вот она зазвучала громче, потом еще. Потом настолько громко, что пришлось откупорить правый глаз и достать из-под верблюжьего одеяла не покрытую пижамой часть руки. Я стала возить ею по прикроватной тумбе в поисках моего уже не нового айфона, чтобы выключить это проклятое приложение «Будильник» и если получится, то даже удалить его навсегда.

Ненавижу утро, ненавижу просыпаться, ненавижу все треки, что я уже поставила на все свои 24 будильника. Уже три недели как ненавижу.

Вот, наконец я нашла тебя. Ну-ка, иди сюда, мой дорогой! Я поднесла телефон к открытому глазу и с огромным удовольствием выключила будильник, точнее отсрочила его на

30 минут, которые в тот момент казались мне вечностью. Мне хватило бы полжизни, чтобы их прожить, поэтому я стремительно закрыла правый глаз и отправилась досыпать свои милейшие сны. Левый у меня так и не открылся. Это расплата за вечернее умывание, точнее за его почти отсутствие. Позволить себе совсем не умыться я не могла, ведь когда-то дала клятву бьютиголика о семиступенчатом умывании. Но вчера из семи этапов я сделала от силы полтора, да и то не самые «ключевые». Точнее, немного переоценила пенку, когда смывала водостойкий карандаш для глаз. Мне даже показалось, что там что-то скрипнуло от чистоты. И хотя умом я понимала, что чуда случиться не могло, желание скорее покинуть ванную комнату и очутиться в теплой икеевской кровати с акулой было куда выше и ценнее на тот момент. Но патчи я все-таки положила себе под глаза (Не знаю зачем?! Хотя знаю: они были из холодильника, и хотелось немного кайфануть.) и, не дождав даже 15 минут, уже лежала лицом вниз.

Ладно, позже разберемся. Я села в кровати и разлепила глаз руками, потом взяла крабик и попыталась собрать волосы, но что-то мешало. Я вытащила теплую лизунообразную массу из волос и вспомнила о своей гениальной идее. Уснуть с патчами у меня не очень-то получилось.

Без одеяла, кстати, было неуютно и холодно. Сейчас, еще не до конца проснувшись, я напоминала себе новорожденному младенца, которого доктор Зло вместе с ведьмами-акушерками насильно вытащили оттуда, где тепло и безопасно. Вытащили и радуются, разве что по попе не бьют и не выносят вердикт по шкале Апгар. Невыносимо хотелось откинуться на свою подушку против морщин, спать и становиться красивее и моложе, спрятавшись под одеяло. Но если я это сделаю,

мечте конец. Не той мечте, что с большой буквы «М», но все же.

Так, подумали о высоком и хватит! Заранее содрогнувшись, я опустила ноги на холодный пол. Там должен был лежать коврик, но либо его откинуло вчера под кровать, либо он благополучно лежал в стиральной машине и ждал уже третье полощение, ибо я терпеть не могла этот затхлый запах из машинки.

Рядом с кроватью, на невысоком пуфике меня уже заждался запыхавшийся спортивный аутфит Asics едко-неонового цвета, который я когда-то купила на распродаже. Выпив стакан теплый воды, чтобы, как говорил мой педиатр, запустить процессы в организме, я стала облачаться в спортивного монстра, которого ничто не остановит на его пути. Так, наушники на месте, часы, чтобы мерить пульс и посчитать это проклятое количество шагов, вода в руке... Ой, точно, шапку надо надеть, март на дворе все-таки. А лучше две. Ну, вроде все. Постояв еще секунду и мысленно готовясь нырнуть с головой в холодный бассейн, я выскочила на улицу наматывать свои километры и думать о том, как жить дальше.

Холодный воздух ущипнул за щеки, и я проснулась окончательно. Тут совсем недалеко, буквально через два дома, возле школы есть спортивная площадка. С собаками там не гуляли, да и компанию составляли только три человека: парочка лет под сорок (мне хотелось думать, что они муж и жена) и старичок какого-то совсем лохматого года рождения. Первые дня два я жутко стеснялась, но потом заметила, что парочка вообще никакого внимания на меня не обращает, а старичок, тот скорее мотивировал, чем вгонял в краску. Дедушка-спортсмен был одновременно и потешным, из-за своей манеры бега, и вызывал крайнюю степень уважения за упорство. Ког-

да я приходила, он уже бегал, а когда заканчивала — еще продолжал. И если парочка иногда не появлялась, то старичок был тут каждый день. Когда он меня замечал, то всегда широко улыбался, являя миру и мне три последних, но очень белых зуба. Я всегда искренне улыбалась в ответ и махала рукой. Там-то я и бегала каждый день уже третью неделю. Поприветствовав дедушку, я включила секундомер на моих джишоках и побежала.

А пока я бегу, можем и познакомимся. Привет! Меня зовут Катерина. Можете называть меня и Катарина, и Катя, и вообще любыми производными — у меня инфаркта не будет. Хотя нет, если назовете Катькой, то будет, только не у меня. Я окончила университет по специальности, которая никому особо не нужна сейчас. А тот, кому нужна, много денег платить не хочет. Но душа требует чего-то грандиозного, правда пока сама не знаю чего. Преобразить мир, наверное, ну, и заработать при этом. А пока я работаю менеджером по продажам всякой пастилы, зефира, шербета и прочей отравы, которую сама даже в голодный год есть не буду. Работа нудная, начальник имбецил, зарплата не сказать что маленькая, но от случая к случаю есть на что покутить и иногда приодеться. Хотелось бы сказать, что у меня все как у всех, но это не совсем так.

Родилась и живу в Москве. Пару лет назад съехала от мамы в бабушкину однушку. Сама же бабушка уже третий год поднимает целину на даче и в обозримом будущем обратно не собирается. Странное дело, но я постоянно замечаю, что бабушка намного прогрессивнее мамы. Она первая подписалась на мой бьюти-блог в Инстаграме¹, пишет комментарии, даже один раз участвовала в конкурсе, а мамы там до сих пор нет. Обидно. Не поймите меня неправильно: маму я люблю, но любила бы ее еще сильнее, если бы смогла доказать ей, что я уже давно взрослый и вполне самостоятельный человек, и то, что я делаю в инсте, для меня важно. Но не все так плохо, есть в моей жизни и светлые пятна: блог и Вика с Миленой, мои подруги.

Про свой блог я могу говорить часами. Косметика — моя страсть. Не знаю, откуда у меня это, может рекламы в раннем детстве пересмотрела, но факт остается фактом. Это то, что я люблю, в чем отлично разбираюсь и советую с полной ответственностью и, можно сказать, бережно. А потому не хватаюсь за все подряд и выкладываю у себя только то, в чем уверена наверняка. Бывают времена, когда возникает соблазн дать стране угля, мелкого, но много. И иногда очень трудно удержаться, особенно когда в кошельке только купоны на скидку, а на карте минус. Но я справляюсь. Да, особых денег это пока не принесит, но позволяет не тратиться на то, чем часто пользуюсь. Для тех, кто далек от всего этого или считает мое бьюти-увлечение ерундой, могу сказать только одно: мне тоже никогда не понять заядлых филателистов, футбольных фанатов и сорокалетних мужиков, сутками зависающих в World of Tanks. И кстати, своими пробежками я тоже обязана блогу.

¹ Деятельность Meta Platforms Inc. и принадлежащих ей социальных сетей Facebook и Instagram запрещена на территории РФ.

Ну, в основном блогу. «Самое сложное в йоге — это расстелить коврик», — повторял мой тренер в те времена, когда я жила с мамой и денег на йогу еще хватало. В моем случае самым тяжелым было проснуться. Два месяца я каждый день давала себе слово, что завтра точно побегу. Два месяца! Часы мотивационных видео, сотни статей о дисциплине и силе воли. Я даже нашла миленький школьный стадиончик и прошлась по беговой дорожке. Вечером, укладывая спортивный костюм на пуфик перед кроватью, я кричала себе: «Соберись, тряпка!», а с утра шептала: «Ща, еще минуточку».

Наверное, все так и продолжалось бы до сих пор, если бы не девчонки. Вика пообещала, что поживет у меня недельку и составит компанию: будет бегать вместе со мной. Они приехали с Миленкой вечером и остались на ночь. А с утра просто вытолкали меня в костюме за дверь и сказали, что откроют только через час. Что оставалось делать? Я побежала. Почти побежала. Мне всегда казалось, что я в отличной физической форме, но через два круга я сдохла. И разозлилась на себя по-настоящему.

Бывают в жизни моменты, когда буквально за секунду мир меняется, и в беспристрастном зеркале реальности ты видишь себя такой, какая ты есть на самом деле. И отражение мне не понравилось. Вспомнились все отмазки и оправдания, которыми я убаюкивала себя, отлынивая от действительно важных дел, а еще лень и страхи, мешающие сделать шаг. Это было неприятно, но придало сил. Несмотря на холод, одышку и ноющие ноги, я стала быстро, насколько это возможно, ходить по дорожке и продержалась отведенные мною же сорок минут. Ковыляя к дому, я дала себе СЛОВО во что бы то ни стало каждый день выходить на пробежку. И СЛОВО свое держу.

Зачем так себя истязать?

Ну, во-первых, дисциплина. И дело вовсе не в пробежках. Да, работа у меня дрянь, но я заметила: если соблюдать несколько простых правил, делать ее заметно легче. И в блоге дело пошло веселее. А во-вторых, скоро выйдут новые коллекции косметики, вещей и всего чего только можно. Прошлым летом мне наконец-то стали поступать предложения выложить кое-что из одежды. Да, бренд недорогой, но получилось неплохо, и мне даже заплатили, только я не понравилась себе на фото. Решила, что первый блин комом. Надо соответствовать образу, который сама же и создала, а то как-то не бьютти получается.

Несмотря на то, что девчонки так подло меня обманули, я им благодарна и вообще безумно рада, что они у меня есть.

Таких подруг еще поискать. Вместе мы не так давно, но уже стали, можно сказать, родными друг для друга. И еще мы вместе работаем.

С Вико́й мы познакомились, когда пришли в один день устраиваться в этот зефирный ад. Желających получить работу мечты оказалось много, и все с заполненными анкетами столпились в маленькой комнатке, ожидая пока вызовут на собеседование. В отличие от остальных претендентов на «мое» место, Вика не вызвала во мне ревность и злобу. Скорее наоборот. Открытое симпатичное лицо, чуть раскосые карие глаза, каштановое каре — она располагала к себе всем своим видом. Я отметила,

что она не замучено стоит, вздыхая и переминаясь с ноги на ногу, а просто стоит. Поймав на себе мой взгляд, она искренне и так светло улыбнулась в ответ, что я тогда подумала: так могут улыбаться только праведники и дети. Я протиснулась к ней, и мы разговорились.

Вика была на год моложе меня, дипломированный фармацевт, приехала с Алтая, и это ее вторая попытка устроиться на работу в Москве. Что? Нет, по специальности она больше не хочет. Получив первую зарплату в поселковой аптеке, она сначала думала, что что-то не так с поселком, но, приехав в Москву, поняла: поселок ни при чем, все не так с аптекой. Когда Вика сказала, что тоже ведет свой блог, то расположила меня к себе уже бесповоротно. Еще оказалось, что она была знатоком лечебных трав и собирателем всяких «бабушкиных рецептов». Травы начала изучать еще в детстве и не совсем по своей воле. Родители отвозили ее на все лето в деревню, а поскольку других детей примерно ее возраста, равно как и интернета, там не было, приходилось бродить с бабушкой по окрестностям и собирать, сушить, растирать, настаивать и еще бог знает что делать со всякими травами. Когда бабушка умерла (а ей было уже за сто), Вика надолго забыла про травы, но вспомнила, когда заводила блог. Ведь лучше рассказывать о том, в чем разбираешься, правда?

Нам позвонили и сообщили, что мы приняты, когда мы с Викой добивали уже третий чайник улуна в кафе в двух кварталах от нашего будущего офиса.

Начальник отдела разместил нас в самом дальнем углу и дал наставника: не то Диму, не то Олега — я сейчас и не вспомню уже. Наставника мы видели всего два раза. Пер-

вый — при знакомстве, а второй — когда он через две недели привел к нам системного администратора. «Как? — искренне удивлялся сисадмин. — Вы не делаете копий заказов? Во деревня!!!» Он нервно приглаживал взъерошенные волосы, которые сразу переходили в небритую рожу. «Что? — опасно выкатывал глаза главный обеспечиватель штатной работы парка компьютерной техники. — Мне еще и счета восстанавливать? Ну ваще писец». Дима-Олег мялся, делая вид, что не при делах, потом сказал, что сейчас придет, и больше мы его не видели. Работать было нескучно. И если бы у нашей фирмы был девиз, он бы звучал так: «Вас тут никто не держит. А если и держит, то за дураков».

Милена появилась в отделе месяца через три. К этому времени мы с Викуй уже освоились и неплохо сработались. Когда ее привел начальник отдела и стал искать наставника, Милена ткнула пальцем в Вику и сказала, что будет сидеть с ней. Начальник потребовал обосновать, и Милена, не моргнув глазом, заявила, что это ее сестра и она лучше любого прыщавого гения продаж объяснит, что и как делать. Так нашего полку прибыло.

Милена была стройна и как-то совершенно по-своему нестандартно красива. Есть люди, которых невозможно описать.

Ну да, нос такой, глаза вот такие, губы, фигура, походка. Но никакими словами не обрисовать то гипнотическое изящество женщины в самом расцвете и одновременно детскую угловатую непосредственность, которые она абсолютно естественно в себе сочетала: в походке, движениях и жестах, интонациях и поступках. Она притягивала, удивляла, и одновременно настораживала. Одним словом — Милена.

Сначала она показалась нам чудной. К ее поведению и манере общаться мы с Викою не сразу привыкли. Но, несмотря на злобных розовых единорогов и добродушных серийных убийц, которые населяли ее внутренний мир, Милена никогда не переходила дозволенных границ, которые мы втроем негласно установили.

Срабатывались мы тяжело. Что Милена действительно умела делать на пять с плюсом, так это вести переговоры. Все равно с кем: клиентами, поставщиками или экспедиторами. Она всегда добивалась своего без видимых со стороны усилий. Но вот при ведении документации ее каждый раз ждал полный крах. В конце концов мы с Викою решили, что делать документы самим намного быстрее, чем переделывать за Миленой, и взяли эту часть на себя. А на Милку спихнули наши звонки. Да, умение говорить с людьми — это редкий и полезный дар, который может собирать непобедимые армии, возводить и разрушать гигантские империи или помочь собрать заказ на складе без очереди, чем мы регулярно и пользовались.

Я посмотрела на часы — все, пора. Помахав дедушке, я закончила последний круг и побежала домой. Захлопнув за собой дверь, скинула кроссовки и влетела на кухню. Поставила на стол гранолу и вставила капсулу в кофемашину. Пока машинка

трещала, наполняя чашку *Agreggio*, я успела скинуть костюм и вымыть руки. Пробежка в минус двенадцать вызвала поистине первобытный аппетит и азарт при виде еды. Быстро разделавшись с утренним миллом, кажется, даже иногда мыча от удовольствия, я стала смаковать кофе. Первая чашка, м-м-м, обожаю! Теперь душ, накраситься и снова на выход.

Бабушкина квартира была хороша тем, что располагалась относительно недалеко от центра, вдобавок рядом с метро. На нем мне хватало и пятнадцати минут, чтобы доехать до работы, но я всегда садилась на автобус. Наземный транспорт

шел практически пустой после остановки у метро, и я, удобно устроившись с телефоном, занималась своими делами. Ехать было намного дольше, но я специально выходила пораньше.

«Господи, — думала я, — зачем они сыпят столько соли на тротуар?» На улице было сухо и холодно. Снега не было уже неделю, и не обещали. «Бедные мои угги», — я перепрыгнула через участок асфальта, который обработали химией чересчур

усердно. Впереди в оранжевых жилетах шли виновники моего негодования. Один из них катил тачку, доверху наполненную белыми гранулами, а второй, черпая их совком из пластиковой бутылки, щедро благословлял мой путь к остановке. Подошвы сапог из известного в их кругах бутика «Спецодежда» весело скрипели, ломая под собой кристаллы соли. «Им-то хорошо», — подумала я и тут же рассмеялась над нелепостью собственных мыслей. Ага, хорошо им, вон идут и от счастья оранжевым светятся. Я обогнала соленую парочку и, дойдя до конца дома, повернула налево, к остановке. С недавнего времени я особенно стала ценить этот утренний променад на работу. Я не хотела спать, была бодра, энергична, с ясной головой, и меня никто не отвлекал.

Из подошедшего автобуса в сторону метро вытекла толпа народа. Я вошла в переднюю дверь, оплатила «Тройкой» проезд, удобно устроилась подальше от двери, чтобы на остановках не дуло, и достала телефон. Со всеми пробками путь занимал минут сорок.

Поездку в автобусе я условно делила на три части. Первая, так сказать, техническая: проверила почту, прочитала комментарии в своем блоге, ответила на несколько. Потом заглянула к «коллегам по цеху», на которых подписана сама, лайкнула несколько фоток, оставила пару комментариев. Это всегда занимало минут пять-семь. Вторая часть — чтение. Я читала о значимых людях в мире косметики. Интересно узнать, как они начинали, видя, чего они достигли сейчас. Ну, или их компании. Третья часть была для меня особо важна: я пыталась осмыслить и проанализировать прочитанное. Меня очень настораживало, что для себя самой я не могу точно определить цель. Ну да ладно, это потом. Сейчас — Елена Рубинштейн.

«Не бывает некрасивых женщин, бывают ленивые», — сказала однажды Елена Рубинштейн, — начала читать я. — Елена родилась в 1870 году в Кракове. Она знала пять языков и имела большую страсть к арифметике. По окончании гимназии отправилась в швейцарский медицинский университет грызть гранит науки. А теперь все это забудьте, так как правды здесь очень мало, а вся биография была придумана самой Еленой. Кроме еврейской школы, у нее не было никакого образования, хотя она приписывала себе и гимназию, и университет, и много чего еще.

В возрасте 18 лет Елена решила покинуть отчий дом, так как не желала быть женой 35-летнего вдовца. Она эмигрировала в Австралию к дяде, прихватив с собой несколько баночек чудо-крема. Этим кремом пользовалась ее мама по совету венгерского химика Якоба Ликуского, который его и изобрел.

На протяжении всей жизни этот сказ будет сопровождать Елену. Мадам, как называл ее первый муж, рассказывала, что подрабатывала в аптеке и там же научилась «кремоварению», разработав на основе имеющейся у нее формулы Ликуского свой крем под названием Valaze. С него и началась ее империя.

К 1902 году Елена открыла в Мельбурне первый салон-магазин, где и начала продавать свой чудо-крем, который был призван сохранить красоту и защитить кожу австралийских барышень от палящего солнца. Мисс Рубинштейн создала целый дворец красоты: множество шикарно обставленных комнат, в которых посетительницам предлагался осмотр, ценные советы от специалистов своего дела и, наконец, возможность приобрести «волшебный» крем. Мадам Елена не просто советовала баночки без разбора: она ввела разделение кожи на

типы (сухую, нормальную и жирную) и для каждого предлагала свое средство.

Рубинштейн наняла фармацевтов высокого уровня, все силы которых были направлены на разработку новых средств. Работая в Сиднее, она познакомилась со своим первым мужем Эдвардом Титусом. Статьи, которые писал Эдвард в международные издания, принесли Елене новых клиентов, и заказы стали поступать со всего мира. Это и натолкнуло ее на мысль о том, что стоит покорить Европу, а потом и Америку.

В браке у Елены появилось двое сыновей, но они были ей не так интересны, как работа.

Немало нового Рубинштейн придумала и в маркетинге. Например, при запуске в продажу парфюма Heaven Sent с крыши высотки взлетели 500 воздушных шаров, к которым были прикреплены маленькие корзинки с ангелочками. А в рекламе она активно использовала людей в белых халатах, чтобы создать у зрителя ощущение, что над косметикой работают врачи.

В 1932 году Елена выпустила первую в мире водостойкую тушь. Представление продукта широкой публике было роскошным: тушь испытывала на себе команда по синхронному плаванию. Еще через 20 лет Рубинштейн изобретет первую кисточку для туши, которая будет очень похожа на современную.

Владеющая огромным состоянием, Елена была на удивление скупой. Она никогда не обедала в ресторанах, предпочитая брать еду из дома. Не оставляла таксистам на чай и торговалась с ними за каждый грош. А работницам в магазинах постоянно урезала зарплаты, за что и получила обидное прозвище. Персонал называл ее «тираном-истребителем» или «женщиной-смерчем» и уходил работать в салоны к ее вечной сопернице – Элизабет Арден».

Что тут еще? Сальвадор Дали ее рисовал. Пикассо. Мда. Умна, успешна, оборотиста, но не сказать, что приятна во всех отношениях. Хотя мало ли придумывают небылиц об известных людях. Скорее всего, ей было на это плевать. У меня осталось какое-то двойственное чувство от прочитанного. Может, оттого, что работа для нее была важнее детей? Я сразу вспомнила маму. Она много работала и времени на меня у нее практически не оставалось.

В голове почему-то застряло слово «успешна». Что-то у меня не клеилось. Я несколько раз повторила его про себя, но ясности это не прибавило. «Успех — достижение поставленных целей в задуманном деле, — выдала Википедия, — общественное признание чего-либо или кого-либо». Получается, путь этой самой Рубинштейн не для меня, потому что она сама его прошла и получила за это признание. Что такое успех? Деньги, власть, слава? А сколько денег, над кем власть, за какие заслуги слава? Еще вчера на вопрос о том, какая

у меня цель, я бы не задумываясь ответила: быть успешной. Но получается, что успех — это достижение цели. Замкнутый круг какой-то. Алиса в стране чудес. Если не знаешь, куда хочешь попасть, иди куда угодно и не ной.

Нет, это мне не подходит. Нужно ясно определить цель, тогда станет видно если не прямую дорогу к ней, то хотя бы направление. Составить план, проявить упорство, и тогда теоретически можно будет относительно быстро дойти. А если нет? Тогда нужно вернуться к теории, увидеть ошибки, принять во внимание новые возможности, изменить план — и снова в путь. Ой, моя остановка!

Я выскочила из автобуса, улыбаясь. Ну Елена, ну Рубинштейн, из-за вас чуть не пропустила свою остановку! Умерли, а вредничать продолжаете. Почти смеюсь, я побежала не к офису, а в обратную сторону. Тут недалеко делали кофе на вынос. Захотелось выпить самой и угостить своих девчонок. Отстояв очередь, я взяла три латте с корицей и в один стакан добавила двойной ореховый сироп для Милены.

Опоздала я всего минут на пятнадцать. Но, зайдя в офис и увидев глаза Вики, я поняла: что-то случилось.

— Ты перепутала Братск с Брянском, — ответила она на мой вопросительный взгляд.

— Погоди, погоди, — я протянула ей кофе, — в каком смысле перепутала?

— Пятнадцать тонн мармелада сейчас где-то в Сибири, а из Брянска твоя «Сладкая лавка» названивает и орет, что все еще вчера должно было быть у них.

— Вот попала! — я поставила держатель с кофе Миленке на соседний стол, опустила в кресло и включила компьютер.

— Я уже позвонила в «Деловые линии», возврат оформила. Вернут ориентировочно дня через два. Все, что сейчас

есть на складе, поставила в резерв, но там слишком мало для Брянска. Если бы не сроки...

— Наш телепузик сильно орал?

— Нет. Но через полчаса приедет генеральный — виновника вызывают на ковер.

— А так все хорошо начиналось! — я стала прикидывать. Премия — прощай, штраф, неустойка «лавке», транспортной за возврат: неплохо так набегает.

— А вот и наша королева, — проговорила Вика. — Привет, ты как всегда вовремя.

— Ой, это мне? Спасибо, — Милена наклонилась и звонко чмокнула меня в щеку. — Привет, Вик, а чего такие кислые?

— Азию с Европой перепутала, — ответила я. — Кстати, с сиропом правая.

— И что? Я в школе вообще на географию не ходила, — призналась Милена, вытаскивая свой стакан, — и на математику тоже. И на танцы.

— В школе нет танцев.

— Да? Ну, значит, правильно, что не ходила, — Милена сделала глоток. — Глупо бы вышло, представь: я прихожу, а их нет.

— Меня генеральный вызывает, — призналась я.

— Когда?

— Минут через двадцать пойду.

— Давай лучше я.

— Милен, там все серьезно.

— Я все улажу, обещаю.

— Ты знакома с генеральным?

Из своего закутка показался начальник отдела и, нетерпеливо раскачивая животом, начал махать руками и тыкать пальцем в потолок.

— Нет, ни разу не видела, — Милена поставила кофе на стол и поднялась.

— Ты даже не знаешь, в чем дело, — я попыталась схватить ее за руку.

— Я даже не знала, что в школе нет танцев, но школу окончила.

— Милен...

— Ты собираешься здесь еще работать? — спросила она серьезно.

— Пока да.

— Тогда не спорь. Все, я пошла.

Вернулась она буквально через десять минут, улыбаясь, но с красными от слез глазами. Показала большой палец вверх и без спроса полезла в мою сумку.

— Что? — я стала подниматься, а Викины кулаки сжались. — Что он тебе сделал?

— Ничего, — Милена вытащила из моей сумки салфетки, — правда, ничего. А где та тушь, которая мне понравилась?

— Рассказывай, — потребовала Вика.

— Когда я зашла, сразу стала плакать. Потом вроде как успокоилась, а когда он открыл рот, зарыдала с такой силой, что самой себя жалко стало.

— И?

— Ну не тяни.

— Все в порядке. Премию не снимут, транспортную оплатят, товар велел набрать из других заказов, которые не горят.

— Из каких, номера дал? — я повернулась к компьютеру.

— Этим сейчас телепузик занимается. А! Вот ты где! — Милена нашла тушь и попыталась сообразить, как вытащить кисточку. — Главный ему позвонил. Приказал заняться этим лично и не беспокоить девочек, мол, у них и так работы хватает.

— Дай сюда, я сама, — я отобрала тушь и повернула Милку к себе лицом. — Богиня ты наша. Криворукая.

— Сейчас кофе допью и позвоню в твою «Лавку», — Милена подняла подбородок и покорно отдалась в мои руки. — С неустойкой будем решать.

— В пятницу гуляем, угощаю, — объявила я и занялась любимым делом: наводить красоту на красоте.

Крася Милене ресницы, я думала о том, как же мне повезло с подругами. Как-то раз, поругавшись с мамой по телефону, меня прорвало, и я вывалила на своих девчонок все, что накопилось у меня на душе за всю мою недолгую жизнь. Они не кинулись меня утешать. Не стали жалеть или добивать банальными советами. А просто обняли и забрали половину моей боли. Забрали так легко и естественно, как будто занимались этим по десять раз на дню. Забрали и ничего не попросили взамен. Мне тогда стало по-настоящему спокойно.

Сказать, что они замечательные, — значит ничего про них не сказать. И для меня оставалось загадкой, почему их не приняли мои школьные и университетские подружки. На днях рождения и других встречах мы втроем неизменно оказывались в одиночестве посреди толпы. Через некоторое время я решила: не принимаете, ну и идите лесом. Вопрос, кто мне дороже, даже не возник в моей голове.

— Все, закончила, — я протянула Милене зеркальце. — Посмотри, нравится?

— Шикарно, — признала она и показала на телефон. — Наберите мне «Лавку».

— Держи, — Вика протянула трубку. — Скидку, скидку обещаю на следующий заказ.

Но Милена только фыркнула в ответ.

2

— Как же тебе идет это платье! — Милена с завистью смотрела на Вику. — Жалко, что ты не сможешь носить его на работе.

— Почему не смогу? — Вика поставила бокал с белым вином на стол. — Потому что это платье Кэт? Она сказала: «Носи сколько хочешь».

— Нет, потому что я у тебя его попрошу, — язык Милены уже начинал заплетаться. — Ты же не откажешь?

— Не, не, не, — Вика отрицательно помахала пальцем у себя перед носом, — если я буду так приходить в офис, телепузик онемееет и не сможет нудить по утрам.

— Чебурек ему купи, вот тогда точно не сможет. А лучше два.

— И сосисон в тесте, — вставила я свои пять копеек, — а еще лучше четыре.

Мы сидели в маленькой кафешке недалеко от моего дома. Девчонкам нравилось это место, а я была не против. Тут никогда не было слишком шумно. Мягкий свет. Скромная винная карта. Еда — не космос, но несколько блюд шеф-повару действительно удавались. Что всегда привлекало наше внимание, так это десерты. В свой первый визит сюда Вика с Миленой долго теребили официантов и администратора, пока не узнали,

что владельцы имеют, помимо этого кафе, кондитерскую, откуда, собственно, и бралось все это сладкое благообразие.

Последний раз мы были здесь ближе к концу новогодних праздников. Серые дни марта угнетали, и я была даже рада, что часть новогодних украшений официанты до сих пор не сняли. Пропали всякие шарики, шишечки, звездочки, но гирлянды и редкая мишура остались. Я слышала, что недостаток солнечного света лечится витаминами и светотерапией. Но казалось, что помогает больше, если смотреть, как мерцают гирлянды и блестит мишура. И витаминки мои рядом. Вон, заказывают нам еще по бокалу.

— Теперь и я его хочу надеть, — сказала я, почувствовав после их препирательств, что своими руками отдала что-то очень ценное. То, что год висело в шкафу, но без чего я не могу сейчас спокойно жить.

— Не, не, не, — передразнила Милена, третий раз заглядывая в пустой бокал, — ты сказала — сколько хочешь.

— А я хочу, — подтвердила Вика, — и Милене хочу дать. Потом. А почему так долго несут?

— Вы только три минуты назад заказали.

— Точно, — согласилась Вика. — Слушай, Милка, а вот ты просто заплакала и все? Главный сразу сдался?

— Ага, — кивнула Милена, — сдался. Но второй раз это с ним не сработает.

— Почему?

— Не знаю, — пожала плечиками богиня манипуляций, — но уверена, что не сработает.

— Вообще не понимаю, как у тебя все так просто выходит, — я прищурилась и с наигранным подозрением посмотрела на Милену, — может, ты ведьма?

— Я? — она громко икнула и закрыла рот рукой. — Я в комнату для девочек.

— Тебе плохо?

— Нет, мне хорошо.

— Не перепутай, солнце. Буква «М» — это не для Милены, или Мадам. Ищи букву «Ж».

— Кать, а правда, — спросила Вика, когда Милена скрылась из вида, — как у нее это получается?

— Она мне одного мальчика напоминает, — задумчиво ответила я. — Помнишь, мы ролик про него смотрели? Ему лет десять или около того. Он шестизначные числа в уме перемножал. Или делил?

— А! Да. Забыла, как его звали?

— Не помню, — призналась я, — помню только, когда его спрашивали, как он это делает, он ничего сказать не мог. Делаю и все тут. Кажется, что и у Милки так же. Оценивает, считывает сигналы и моментально подстраивается под нужный ритм.

— Похоже на то, — согласилась Вика и тоже икнула.

— Вы сговорились, что ли?

— Нет, это ведьма из туалета порчу наводит.

Милена была родом из ближнего Подмосковья. Как она окончила школу — история, покрытая мраком. Точные науки, кроме геометрии, ей не давались совсем. Иногда в разговорах с нами она вспоминала учителя по литературе, он же вел и историю. После школы родители оплатили обучение в вузе — не то юридическом, не то экономическом. От Милки мы слышали обе версии. Говорит, сама точно не помнит.

Еще в институте разные модельные агентства предлагали ей попробовать себя в мире моды. Но у нее не получилось. Через некоторое время, при всех ее внешних данных, фотографии наотрез отказывались с ней работать, не объясняя причин. Стервозной сукой она не была, и тупой ее не назовешь, но вот отказывались и все.

Может, из-за ее манеры общаться? С разными людьми Милена вела себя по-разному. Невозможно было угадать, какую из своих масок она наденет. Иногда это выглядело логично, а иногда — полным театром абсурда. Но видя, что она далеко не дура, я думала, что это ей просто по приколу. До одного момента.

Как-то раз, на восьмое марта, мы собрались у меня. Ели конфеты, шутили, пили шампанское. Сами не заметили, как

накидались. Вика вспоминала себя маленькой, рассказывала, как бабушка водила ее в баню, а она пряталась в бочке. Мы пили еще. Я тоже что-то рассказывала. И Милена рассказала. Наутро из-за выпитого шампанского я почти ничего не помнила, только то, что с ней случилось что-то ужасное. То ли ее кто-то куда-то увез, то ли сама потерялась, но она осталась одна очень далеко от дома.

Мы с Викой утром попытались ее расспросить, но Милена сказала, что если мы собираемся хоть как-то поддерживать с ней отношения, то не должны спрашивать об этом никогда. Больше мы не затрагивали эту тему. Тогда-то мне и стало казаться, что ее поведение не только для прикола. Возможно, это была защитная реакция, неосознаваемый процесс, который позволял подбирать ключик к любому человеку. Возможно. Я училась химии, а не психологии.

Прозвучал сигнал оповещения на моем телефоне. Я оторвалась от раздумий и посмотрела на экран. В сообщении было сказано, что в Chanel на всю тушь для ресниц стартует неделя скидок. Мне это было не особенно интересно, и я, чтобы сто раз не хватать телефон, заглянула в свой блог. Новых комментариев к последнему посту не было, и я немного огорчилась. Почему-то вспомнилась Рубинштейн.

- Что там?
- Распродажа.
- А погрустнела чего? Я же вижу.

Подошла Милена. Нам принесли вино и чизкейки.

— Вспомнилась одна давным-давно умершая мадам, — я сделала глоток вина и стала вызволять из салфетки десертную вилку. — Недавно читала про нее, вот напомнила о себе. Внезапно.

— Расскажи.

— Да, — поддержала Милена, хватая свой бокал, — жуть как люблю страшилки. Призраки там...

— Дело даже не в мадам, — я крутила вилку в руке, не зная, как начать, — понимаете, в последнее время я стала читать о людях, которые создали свои империи в мире косметики. Информации много, но мне непонятно. Прости, страшилок не будет.

— Уже не хочу страшилок. Давай, чего непонятно?

— Ученые точно выяснили, чего хочет женщина. Но женщина уже передумала, — Вика подняла свой бокал. — За тебя, Милена!

— Ой, да ладно.

— Правда, Катя, не томи, нам что, теперь весь вечер гадать?

— Не знаю, с чего начать.

— А ты начни сначала.

— Я вдруг поняла, что не знаю, чего хочу. Не могу себе ясно представить цель. Нужно двигаться вперед, что-то менять, но ради чего? Когда вы рядом, мне кажется, что у меня уже все есть. Есть вы, мой блог. Понимаете?

— Нет, — покачала головой Милена, — не понимаю. Я, например, знаю, ради чего хочу все поменять.

— Поделишься? — заинтересовалась Вика.

— Нам в понедельник на работу, — сказала Милена. — Ненавижу!

– Ты не кажешься там несчастной.

– Я – нет. Но мне больно смотреть, как вы двое медленно себя там убиваете. Я хочу это изменить. Только не знаю как.

– Благодетельница ты наша! – мы подвинулись и обняли Милену с двух сторон так крепко, что, по-моему, в спине у нее что-то хрустнуло.

– Я только не пойму, причем тут мадам? – спросила Вика, отрываясь от подруги.

– Все эти факты из ее жизни не складываются в понятную картину. Родилась, училась, переехала. Разработала линию того, этого, открыла салоны, магазины, создала империю. Все пишут, что она добилась успеха, но как, какой ценой? Получила ли то, чего хотела, или просто делала вид? Контролировала процесс или, как тополиный пух, летела куда несет и прилипла на мокром асфальте? Сбегала она от детей на работу, или без нее там действительно было никак? Что двигало – азарт или банальная жадность? Была ли она счастлива в конце концов?

Я замолчала и, вспомнив про вилку в руке, стала есть свой чизкейк. Девчонки последовали моему примеру. Ела я автоматически, почти не чувствуя вкуса. Мне было неловко за то, что загрузила подруг и испортила вечер. Вон, даже Милена наморщила свой милый лобик.

– А знаешь, ты права, – вдруг сказала Вика, когда я уже открывала рот, чтобы извиниться, – это в самом деле интересно. Я еще в школе училась, когда умер Стив Джобс. Помните, как о нем тогда писали? Компьютерный гений, совер-

шил революцию, опередил время. И что в итоге? Лечил свой рак подорожником!

— Что? — Милена даже поперхнулась. — Реально подорожником?

— Ну нет, конечно, это я так, образно. По-моему, сути это не меняет. У меня это в голове просто не укладывалось. Как один из самых прогрессивных людей, в двадцать первом веке, мог вот так с собой поступить?

— Ты же сама травница.

— А еще я фармацевт.

— Но мы же не зря твои сборы пьем, правда? — Милена отпила из бокала и внезапно встрепенулась. — А у тебя еще тот чай остался, со смородиной? А то я уже все выпила. Обожаю.

— В понедельник принесу, — улыбнулась Вика. Ей всегда льстило, когда мы обращались к ней с подобными просьбами.

— Ой, да, конечно, не зря, — я положила свою ладонь Вике на руку, — вспомни, когда мы нормально болели последний раз?

— Не зря, — подтвердила Вика, — но я-то вас не лечу. Я смешиваю зимой одни сборы, летом другие. Знаю ваши противопоказания. Травы укрепят иммунитет, облегчат течение болезни и даже помогут в лечении. Именно помогут, а не вылечат. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнула Милена, — да, действительно странно. Даже я понимаю, а Джобс не понял.

Мы снова замолчали, погруженные каждая в свои мысли. Я откинулась на спинку дивана и маленькими глотками смаковала вино. Мне представился Эйнштейн, который только